

Н. ПАВЛОВА

ЗИМНИЕ СКАЗКИ

ДЕТ. 43. 1960

Н. Павлова

П-12

Л
П/12

ЗИМНИЕ СКАЗКИ

59412 к/х

621

Рисунки Н. Чарушина

Государственное Издательство
Детской Литературы Министерства Просвещения
РСФСР
Ленинград 1961

1970

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 98
Октябрьского района
г. Москвы

МИЛЛИОНЫ МИЛЛИОНОВ И ОДНА СНЕЖИНКА

1

Эту сказку о снежинках и белых лилиях рассказал мне ветер. Он знаком со всеми снежинками на свете, а с белыми лилиями познакомился только нынче летом.

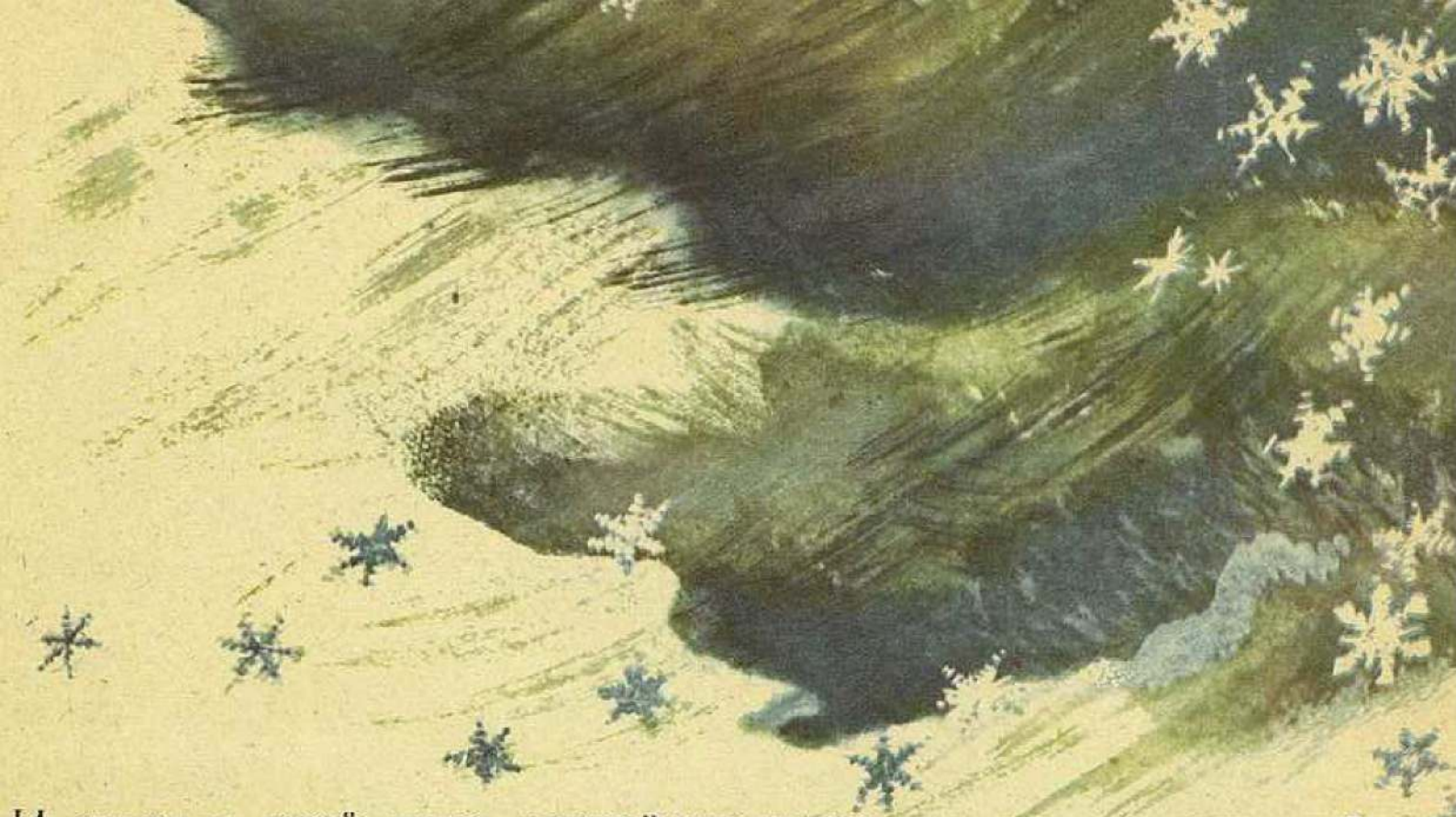
Но сказка ветра не о лете, а о зиме, когда от белых лилий остаются одни чешуйчатые луковицы и лежат они в земле, прикрытой сухими листьями.

Листья расстелила голубоглазая девушка. Она ухаживала за лилиями всё лето, а когда земля стала замерзать, девушка забеспокоилась — оживут ли лилии весной? Она каждое утро приходила к большой круглой клумбе и с тревогой поглядывала то на землю, то на небо.

А на небе не было ни облачка.

Но вот однажды утром появилась огромная тёмная туча.

И жили в этой туче сестрёнки-снежинки — маленькие, лёгкие, нарядные. Все красавицы. Но одна краше всех: посередине у неё лепёшечка с шестью уголками, а от уголков — лучи. И каждый луч вырезан так, что похож на весёлую ёлочку с поднятыми к небу ветками. И такое всё это прозрачное, так блестит! Чудо как хороша была эта снежинка, и сёстры прозвали её Хорошинкой.

— Иди к нам, Хорошинка, — дай тобой полюбоваться, — звали её снежинки то с одного края тучи, то с другого.

Хорошинке бы просто радоваться, что на неё так приятно смотреть, а она загордилась. Позовут её сестрёнки играть, а Хорошинка отвечает:

— Только, чур, водить буду я!

Сестрёнки-снежинки всегда соглашались. Да и на самом то-деле, не всё ли равно, кому водить первым?

Но чем дальше, тем больше капризничала Хорошинка. Видит, что сестрёнки затевают игру, нарочно отбежит в сторону и кружится там одна, пока за ней не прибегут и не начнут упрашивать:

— Иди же, сестрица, к нам! Без тебя игра — не игра! Хорошинка еле даст себя уговорить. А однажды сёстрам

так и не удалось её уломать. Раскапризничалась, надулась, а сама думает: „Пусть, пусть игра расстроится“.

А игра-то и не расстроилась. Уговаривали Хорошинку сёстры, уговаривали, но вдруг одна из них — озорница с обломанным лучом — крикнула:

— Ну и пусть! Не хочет — не надо! И без неё не соскучимся! Давайте-ка, сестрички, считаться, кому водить!

Тут все снежинки закричали:

— Считаться! Считаться!

И упорхнули.

Хорошинка осталась одна. Вот так история! А издали доносятся весёлые голоса:

— Ветер, и холод, и снег, и вода, —

Ветер, и холод, и лёд.

Вышла, вышла, тебе водить!

До чего же обидно было Хорошинке! Да ещё и заплакать-то нельзя: заплачешь — растаешь.

2

Весело жили сестрёнки в своей родной туче. Но пришло время её покидать: спускаться на землю. Снежинки не испугались. Они много слышали о земле от ветра, и им захотелось увидеть её своими глазами.

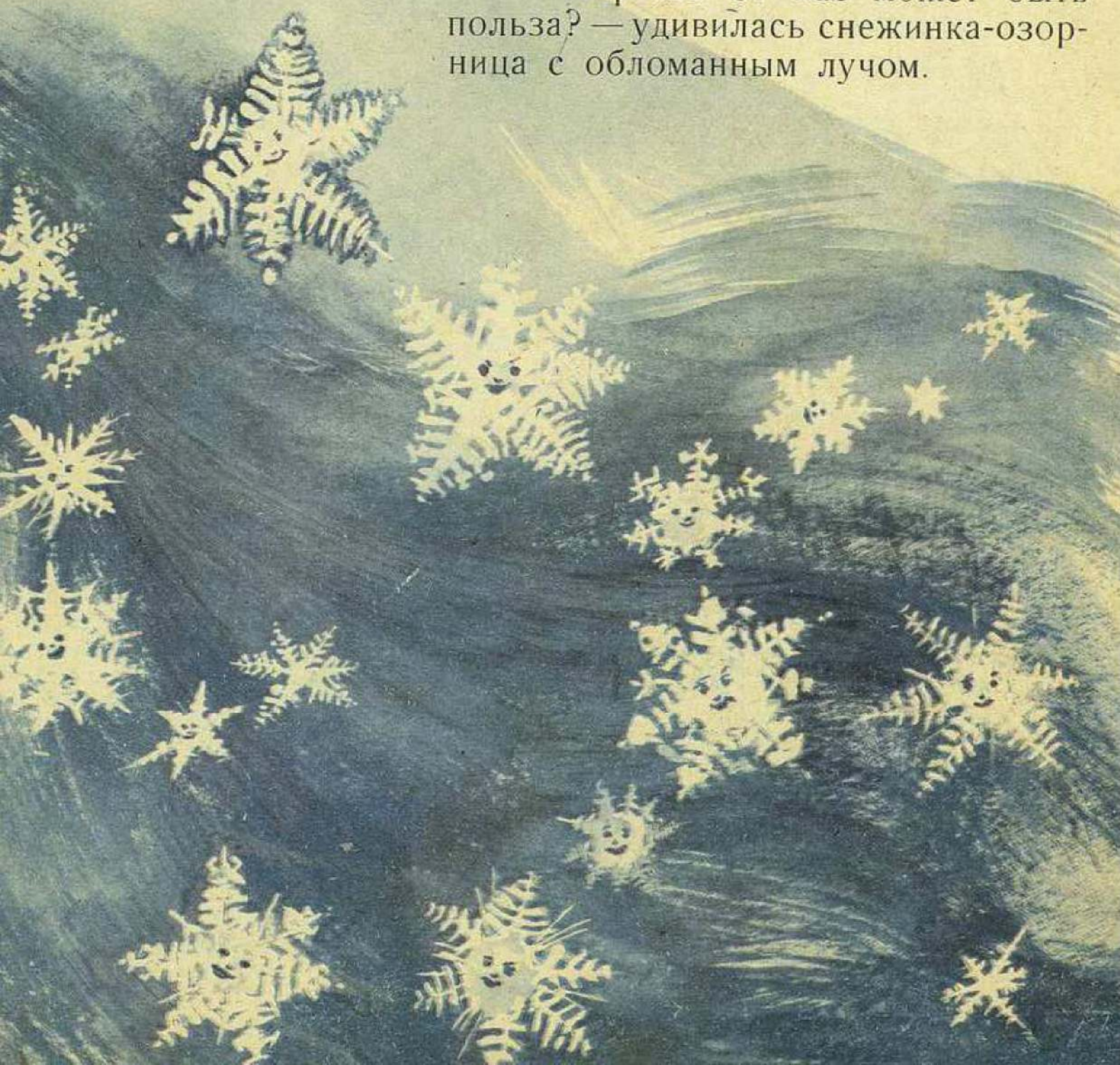
— Подумайте, сестрицы, — земля нисколько не прозрачна!

— Подумайте, земля так прочно стоит на своём месте, что даже ветер не может её толкнуть! — говорили снежинки.

— На земле живут люди, — сказала Хорошинка. — Помните, ветер рассказывал нам про голубоглазую девушку и про белые лилии, которые она так любит. Нас эта девушка полюбила бы ещё больше: мы красивее всяких цветов. Особенно я.

— Люди любят не только красивое, но и полезное, — сказал ветер, услышав слова Хорошинки. — Они будут очень рады вам, снежинки.

— А разве от нас может быть польза? — удивилась снежинка-озорница с обломанным лучом.

— Большая польза, — ответил ветер, — потому что вас миллионы миллионов. Только помните одно — держаться всем вместе!

— Слышите, сестрицы! — закричала снежинка с обломанным лучом, — держаться всем вместе, и от нас будет большая польза. Вот хорошо-то! А я думала, мы никому не нужны. Ну давайте сыграем в последний раз в пятнашки. Считаться! Считаться!

Ветер, и холод, и снег, и вода,
Ветер, и холод, и лёд.

3

И это действительно была последняя игра снежинок. После весёлых пятнашек снежинки, кружась, стали тихо спускаться на землю. Снежинка с обломанным лучом, подлетая к земле, увидела большую круглую клумбу, покрытую сухими листьями, и крикнула:

— Сестрицы, давайте ляжем на эту подушку.

И все снежинки, которые слышали её голосок, дружно опустились на клумбу. Остальные падали рядом: на дорожки, на кусты, на лужайки, на огород. И вскоре вся земля побелела.

А в воздухе ещё долго кружилась одна бесприютная снежинка. Это была красавица Хорошинка. Она ждала людей. И дождалась: к клумбе подошла голубоглазая девушка. Хорошинка подлетела к ней и опустилась на её пушистый воротник.

„Какое удачное место я выбрала! — подумала Хорошинка. — Теперь и люди узнают, какая я красавица. Как обрадуется девушка, когда опустит глаза и увидит меня!“

Но девушка посмотрела на клумбу, улыбнулась и сказала:

— Как хорошо, что выпал снег! Теперь я спокойна.

А когда она говорила эти слова, на её воротник пахнуло теплом. Тёплый ветерок коснулся Хорошинки — и она растаяла.

Хорошинки не стало.

Но остались миллионы миллионов снежинок на земле.

— Спасибо, снежинки, — сказали им из земли луковицы белых лилий. — Вы нас согрели, и мы вам расскажем сказки о тех, кто живёт в земле.

А когда на небе появилось солнце, оно послало свои лучи на землю.

— Спасибо, снежинки, — сказали солнечные лучи. — Мы не можем согреть землю зимою, вы это сделали за нас, а мы расскажем вам сказки о том, что видели по пути от солнца к земле.

— Сестрицы, — крикнула снежинка с обломанным лучом, — слышите, как все нас благодарят?! Оказывается, все нас любят! И подумайте, сестрицы, как много на свете сказок!

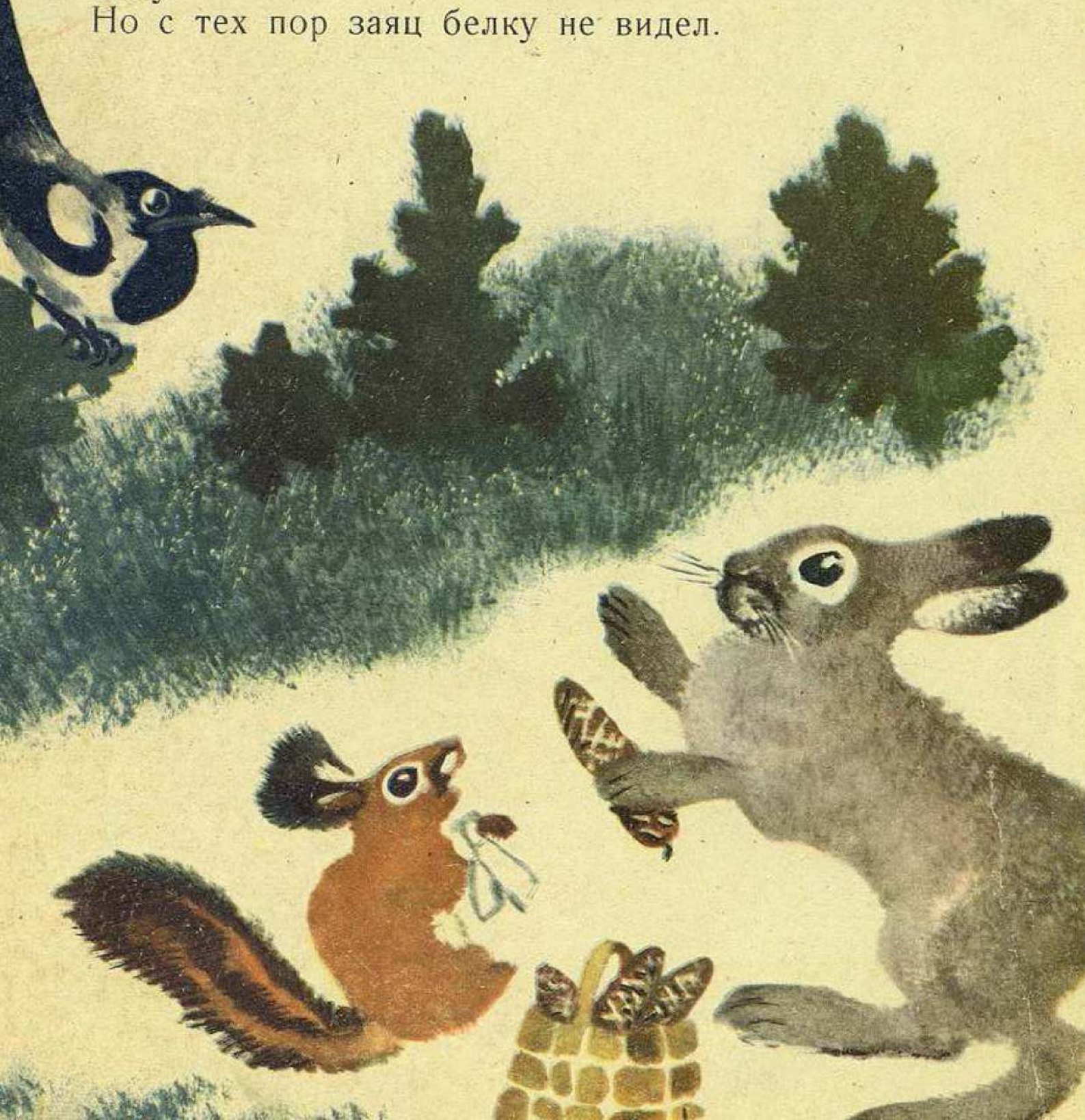
ЗИМНЯЯ ПИРУШКА

Заяц всё лето кормил хромую белку: озорной мальчишка перебил ей лапку. А когда белка поправилась, она простилась с зайцем и сказала:

— Спасибо тебе, зайчик, спасибо! Смотри; никаких запасов на зиму себе не делай. Летом ты меня кормил, а зимой я тебя прокормлю.

Заяц обрадовался: ведь он и не умел делать запасов на зиму.

Но с тех пор заяц белку не видел.

Последняя трава скрылась под снегом. И остались зайцу на прокорм голые веточки да горькая осиновая кора. В непогоду он часто голодал. Тогда он вспоминал белку: „Стоит мне её найти, позабуду о голоде“ — и ему становилось веселей.

И вот, наконец, заяц натолкнулся на белку. Она сидела на сучке у своего дупла.

— Здравствуй, белочка! — крикнул заяц. — Как я тебе рад! Очень соскучился!

— И я тоже! Но тебя не узнать: ты так похудел!

— Ещё бы! Два дня не ел!

— Ну, потерпи ещё немножко, сейчас поставлю самоварчик, приготовлю угощение.

Тут белка оглянулась на свои запасы, и вдруг ей стало их жалко. Так жалко, что она решила схитрить и сказала: — Вот беда! Ведь нечем самовар согреть. Принёс бы ты мне, зайчик, берёзовых веточек. Я бы нажгла угольков. — Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка вынула мешки под орехи и приготовила заплатки. Думает: „Когда-то заяц ещё найдёт берёзку. А я тем временем уложу свои запасы и перетащу в другое место.

Но не успела белка вдеть нитку в иголку, а заяц тут как тут.

— На, получай берёзовые веточки, хлопотунья!

— Быстро же ты обернулся!

— Да ведь берёзу-то нетрудно найти: с опушки видно, как березнячок белеется.

„Это верно“, — подумала белка. И давай хитрить дальше:

— Самоварчик-то я поставлю, а как на стол накрою?

Ведь стола-то у меня нет. Принёс бы ты мне дубовых брёвнышек, напилила бы я досочек, сделала бы дубовый стол.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка думает: „Ну, уж дуб ты не скоро отыщешь. Трудно ведь узнать дерево без листьев. Берёза не в счёт — она белая“.

Но не успела белка мешок починить, а заяц тут как тут.

— На, получай дубовые брёвнышки, хлопотунья!

— Быстро же ты обернулся!

— Да ведь дуб-то нетрудно найти: большой, толстый да корявый, а на ветках тут и там — засохшие листья.

„Это верно“, — подумала белка. И давай хитрить дальше:

— Стол-то я сделаю, а помыть, потереть его нечем. Принёс бы ты мне липовой мочалки.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

А белка думает: „Ну, уж липу ты зимой не скоро отыщешь“.

Но не успела она ссыпать орехи в мешок, а заяц тут как тут.

— На, получай липовое лыко, хлопотунья!

— Быстро же ты обернулся!

— Да ведь липу-то нетрудно найти: у неё каждая ветка посередине прогнулась, будто на ней медвежонок сидел.

„Это верно“, — подумала белка. Видит, что заяц уже устал. Нелегко ведь бегать на пустой желудок. Жалко ей стало зайца, но своих запасов ещё жальче. И белка давай хитрить дальше:

— Пировать-то мы с тобой попируем, но какой это пир без музыки? Принёс бы ты мне кленовых брёвнышек. Сделала бы я балалаечку.

— Принесу, принесу, хлопотунья, — сказал заяц и помчался.

Но не успела она мешок с орехами перевязать, а заяц тут как тут.

— Быстро же ты обернулся!

— Да ведь клён-то нетрудно найти: у него все прутики сидят парами, вот как человек стоит, руки кверху поднял: тело—это ветка, руки—прутики. Только и

загоняла же ты меня, хлопотунья! Ну да ничего, для такого праздника стыдно не постараться. Да и лапы у меня большие, крепкие — не чета твоим.

Тут белка вспомнила, как заяц за ней ухаживал, как всё лето кормил. И белке стало стыдно, так стыдно, что она даже покраснела.

— Посиди немножко, зайчик, — сказала белка, — я сейчас всё приготовлю. — И она быстро нажгла из берёзы уг-

лей, разожгла самовар, сделала дубовый стол, вымыла, протёрла его липовой мочалкой и наставила на него всякой всячины. Всего, всего наставила, как для большого пира.

Долго они пировали, а когда подкрепились, белка наладила кленовую балалайку и заиграла. Тут пошло у них веселье. То белка играет, а заяц пляшет, то заяц играет — белка пляшет.

Такое пошло веселье, что даже деревья жалели, что у них нет ног, чтобы поплясать.

СЁСТРЫ ШИШКИ

1

Выросли как-то на еловой ветке три шишки. Да такие длинные, такие чешуйчатые — всем на удивление.

Первую в лесу прозвали Длиннушенькой, вторую, что была ещё длиннее, — Длиннушей, а самую длинную — Длинным-Длиннушей.

Длиннушенька пряталась в тени ветвей, а её сёстры висели на самом виду у всех и хвастались:

— А нас-то все видят, а нами-то все любуются: и звери, и птицы, и даже звёзды! Ни на земле, ни на небе нет больше таких длинных шишек.

А Длиннушеньку сёстры поддразнивали:

— А мы-то длиннее, а мы-то виднее!

— Ну и пусть! — спокойно отвечала Длиннушенька. — Мне и дела нет, любитесь мною кто-нибудь или нет.

Вот как! Сёстры только об этом и думают, а ей и дела нет!

— Я о другом думаю: о наших малютках, о семенах. Как бы лучше сберечь их до весны. Ведь из каждого семечка может вырасти ёлочка. Сохраню я все свои семечки, будет целый еловый лесок.

— Лесок? Дурочка, да ведь тебя тогда и на свете не будет.

— Ну так что же? А лесок будет. Я хочу, чтобы он вырос вон там, где всегда светло. Ветер называет это место полянкой.

2

Наступила зима, и пухлый снег прикрыл еловые ветки. Однажды ветер стряхнул комок снега прямо на Длиннушеньку.

— Что же ты, дружок, наделал! — упрекнула она его. — Всю меня залепил снегом!

— погоди, ещё будешь мне благодарна, — ответил ветер и улетел.

— Мне теперь, сестрёнки, даже вас не видно, — пожаловалась Длиннушенька.

— Подумаешь, что за беда! — ответила Длинным-Длиннуша, — да и тебе ведь всё равно, любятся тобою или нет. Ну, и сиди под снегом!

— А я даже рада, что ты теперь не в счёт, — сказала Длиннуша. — Остались только мы: две самые длинные, самые чешуйчатые шишки.

— Смотри, какой красивый зверёк! — вдруг крикнула Длинным-Длиннуша и подтолкнула сестру. — Да вон там, на той ёлке. Видишь, как он глядит? Наверно, восхищается нами! Эй, зверёк, иди-ка сюда!

Длиннуша не успела и взглянуть на соседнюю ёлку, как зверёк, это была белка, — прыг! — и очутился рядом. Белка потянулась к Длинным-Длиннуше, как будто собиралась её поцеловать. А сама откусила её от ветки! Потом взяла в передние лапы и давай отгрызать чешуи, выбирать семена.

— Как ты смеешь портить моё платье! — закричала Длинным-Длиннуша.

А белка будто и не слышит. Отгрызла все чешуи, съела семена, сбросила остатки в снег, — прыг! — на верхний су-чок. Только её и видели!

3

Длиннушенька очень жалела сестру. А Длиннуша хоть бы что: сначала перепугалась, а потом успокоилась и говорит:

— Жаль, что мне теперь не с кем поговорить, но зато теперь самая длинная, самая чешуйчатая шишка во всём лесу.

Об этом она твердила всем и очень любила приманивать птиц, чтобы покрасоваться перед ними.

Бойкие синички стайками опускались на ёлку и щебетали:

— Зюити, зюити, смотрите, смотрите, как она длинна! Но вот однажды Длиннуша заманила к себе незнакомую ярко-красную птицу — клеста.

— Пригласила, так угощай гостя, — сразу же сказал клёст. И только тут Длиннуша заметила, какой у гостя необык-

новенный клюв: нижняя половина загнута крючком вверх, верхняя — вниз. Это испугало Длиннушу, и она сказала клесту:

— Улетай-ка подбру-поздорову, откуда прилетел. Не чем мне тебя угощать.

— Не хочешь, — угощусь сам.

Тут клест протянул к ней когтистую лапу и давай разворачивать клювом чешуи. А клюв-то его как будто для этого и сделан.

Так и погибла Длиннуша.

И осталась на еловой ветке одна Длиннушенька. Скучно было бы ей, тоскливо, если бы не друг — ветер. Ветер её утешал.

— Не грусти, Длиннушенька, думай весне. Вот потеплеет, распахнёшь ты свою одежду, и оттуда полетят семена. А я их подхвачу и отнесу на полянку — прорастайте, поднимайтесь над землёю ёлочками.

— Спасибо тебе, ветер! Я так хочу, чтобы там, на светлой полянке, вырос мой лесок. Скажи, а ты будешь туда прилетать?

— Ну, конечно, буду. И обязательно расскажу твоим ёлочкам историю трёх се-стёр — трёх самых длинных шишек во всём лесу.

ВЕСЕЛЫЙ ПТИЦА

Иллюстрация: М. М. Мухоморов

Составитель: М. М. Мухоморов. Художник: М. М. Мухоморов. Редактор: К. Н. Киселев. Технический редактор: И. Корень. Корректор: И. А. Сидорова. И. А. Петрова. Подписано в печать 3/IV 1953. Печать: 10.000 экз. 1953 г. Формат: 60 x 90. Цена: 0,15 руб. 1/2 экз. 0,075 руб. 1/4 экз. 0,0375 руб. Тираж: 20.000 экз. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, 4-й Кутузовский пер., 24. Зак. фабрика детских книг. Детгиз. Министерство культуры. РСФСР. Ленинград. 2-я Советская, 7. 1953 г.